

Екатерина Васильева, заслуженная артистка РСФСР:

Почему бы не начать с актера?

Каким мне видится современный актер! Наверное, это тот, кто умеет «расшевелить» не очень-то доверчивого, много повидавшего и, если так можно выразиться, слегка оглушенного современным «информационным взрывом», погруженного в свои заботы человека. Быть искренним, открыто чувствовать, не бояться быть смешным — это естественное желание каждого человека. И этого же ждут зрители от актера.

Представьте, сколько нужно сил, чтобы заставить расплакаться одного человека. А целый зал? Какая душевная энергия, какая щедрость и страстность здесь нужны!

Раньше, 15—20 лет назад, зрители в театре, насколько мне помнится, легче шли на контакт, громче смеялись, чаще плакали. Сегодняшняя публика мне кажется более сдержанной, в чем-то даже ироничной по отношению к нашим усилиям, словом, труднее «пробиваемой». Многие слишком уж дорожат своим состоянием внутреннего и внешнего комфорта, слишком оберегают его. Задача актера — пробить брешь в этой «неконтактности», заставить зрителя уйти со спектакля беспокойным, встревоженным.

Сегодня изменились параметры актерского искусства, появились новые требования к актерской манере. Главным принципом прежней школы глубокого психологического анализа, учениками которой были актеры моего поколения, являлся максимум скрытого внутреннего содержания при минимуме средств его выражения — как можно больше внутри и как можно меньше снаружи. В идеале эта актерская манера подобна айсбергу. И чем больше уходивших вглубь планов, чем таинственнее и интереснее их разгадка — тем интереснее для зрителей актер. Когда-то это было неожиданным открытием, теперь же стало само собой разумеющимся в актерской профессии — настоящий актер должен этим владеть, как пианист гаммой.

Владеет ли? Не всегда. Иной раз выезжает лишь на одной технике. Обозначает как бы самый поверхностный слой. Есть внешняя сдержанность — значит за ней должна подразумеваться подспудная глубина. Увы, не всегда она есть на самом деле. Существует и другая сторона медали. Мы разучились играть первый план, то есть ярко, сочно, по-настоящему театрально обнаруживать перед зрителем то, чем наполнены.

Сегодня, на мой взгляд, серьезно выигрывает в театре прежде всего тот актер, который способен на открытое чувство, открытый звук, открытую страсть. Говорить надо во весь голос, всю правду. Только этим можно взять современного зал.

Я благодарна театру за то, что во всех моих ролях есть моменты, требующие сильного эмоционального выхода. Большой частью это роли классического репертуара, на которые мне действительно везло со времени моего дебюта в театре. Конечно, Сарру в «Иванове», идущем десять лет на сцене МХАТа, я могла бы теперь сыграть, как говорится, на одной технике. Но после «Обвала», «Вагончика», «Головлевых» не могу играть и эту небольшую роль без полной физической отдачи. Иначе не имеет смысла выходить на сцену.

Оказывается, первым планом владеть труднее, чем вторым.

Если бы я набирала актерский курс, именно этому я бы учила молодых актеров — владению первым планом, полной отдаче в роли. Наша молодежь, как правило, чувствует себя в этом смысле не очень уверенно, ведь театральная практика почти не дает возможности многим из молодых актеров сразу полноценно раскрыться на сцене. Обычно молодых занимают в современных пьесах, где, к сожалению, слишком часто роли слабо выписаны, в них мало жизни. Слишком много вещей в театре давит на молодого актера, и в результате долгие годы после окончания театрального училища он остается учеником, боится говорить на сцене в полный

голос, чересчур подчиняется самоконтролю первых же репетиций. Но ведь для того и корректирует игру режиссер, чтобы сам актер в процессе работы не боялся свободно импровизировать — пусть это будет сначала и не совсем удачно. Нужно найти в себе мужество этого не бояться. Хотя для молодого актера в условиях современного театра это равносильно подвигу.

Как достичь гармонии человеческого и профессионального? Об этом я часто говорила с режиссером Анатолием Васильевым. Он мечтает, чтобы актеры так же жили, как и работали. Мы еще сами до конца не поняли, как тесно взаимосвязаны у актеров образ жизни и суть творчества.

У каждого актера есть честолюбие. И я его не лишена. Но замечаю, что с годами это как-то уходит. Настоящему актеру крайне противопоказана «светская» жизнь. Очень тяжело быть все время на виду и вдобавок всегда отвечать определенному, сложившемуся у зрителей образу: на улице, в магазине, в подъезде своего дома. Как актеру остаться самим собой, не «играть» двадцать четыре часа в сутки?

К сожалению, суетность всегда с нами. Как с этим бороться? Как не расстратить свое человеческое «я», сберечь в себе личность?

Больше всего я ценю в творческих людях умение оставаться самим собой. Очень хорошо понимаю тех актеров, которые перестают отвечать на телефонные звонки, становятся менее общительными, даже замкнутыми в жизни. Пусть при этом говорят: «Ах, как он зазнался!». Ведь шлейф прожитого в течение дня выносятся вечером на сцену. А сцена обнажает человека, и если ты внутри пустой, сцена отомстит тебе рано или поздно.

В идеале актер до спектакля должен побыть один на один с собой. Но сегодня мы воспринимаем как легенду рассказы о том, что когда-то, например, Тарасова в день спектакля ничего не ела и не пила и никого к себе не пускала.

Быт современного актера сложен. Особенно для актрис. Я сужу по своим подругам, которых бесконечно люблю, и считаю, что это подвиг — жить повседневностью и честно отдавать себя сцене.

Сейчас в печати поднимается вопрос о необходимости каких-то организационных изменений в театральном деле. Почему бы не начать их с актера? Облегчить его существование в театре и в жизни. Сделать так, чтобы театральный актер не суетился, не раздавал себя десяти «музам» в поисках заработка. А ведь мы знаем, что и это прозаическое соображение толкает иных на участие в бездарных кинофильмах и передачах. Чего греха таить, это так. Особенно трудно молодым актерам, тем более если у них есть семья.

В последнее время меня не покидает ощущение, что вот-вот появится очень много хороших современных пьес. А пока что довольствуемся больше драматургическими схемами.

Смотрите, что получается. Когда я играю классическую роль, мне позволены драматургом все проявления человеческого характера — ревность, страсть, любовь, ненависть. Все, как в жизни. Как доходит до современной пьесы, так почувствования, полупоступки, полудрамы. Особенно это сказывается в изображении женских характеров. Я не могу вспомнить ни одной современной женской роли, в которой бы героиня предстала во всем драматическом объеме жизни со всеми ее проблемами быта, семьи души. Почему же те проблемы, с которыми мы ежедневно сталкиваемся в жизни, остаются за пределами интересов театра. Мы же сами проигрываем от этого. И публика тоже. Когда хочется сыграть живую, настоящую современную женщину, гораздо легче обратиться к зарубежной драматургии. Сколько их в пьесах О'Нила, Уильямса, Обидно, что наши отечественные драматурги в этом смысле отстают. Мне неинтересно показывать очередную худосочную Марью Петровну или Веру Антоновну, а зрителю скучно на нее смотреть. Ведь современный спектакль требует не меньшей отдачи, чем классика.

Дальше так продолжаться не может, кажется, вот-вот произойдет что-то в нашей драматургии, станет в ней больше острого чувства времени и художественной правды. Мечтаю сыграть свою современницу. Сыграть большую роль, в которой была бы та Правда Жизни, ради которой и стоит выходить на сцену.

Монолог записала
И. МАКСИМОВА.